
ФЕНОМЕН ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ: ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. П. Репина

«СВЯЗЬ ВРЕМЕН» В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ*

Мемориальный поворот в современной исторической науке привел к интенсивной разработке различных аспектов проблемы исторического и темпорального сознания, коллективных представлений о прошлом, «мест памяти» и «исторической мифологии»¹. Проблемы формирования и содержания представлений о прошлом в разных сообществах и культурах привлекают внимание представителей разных областей социогуманитарного знания, и, несмотря на продолжающиеся дискуссии вокруг таких концептов, как «историческая память», «историческое сознание», «образы прошлого», «историческое время», масштабы корпуса проведенных с их использованием исследований, как и полученные с их помощью результаты, впечатляют (речь идет о так называемой «истории второго уровня»).

Продвигаются, хотя не столь быстрыми темпами, и исследования более сложного феномена исторической культуры², которая выступает не только как артикуляция исторического сознания общества или совокупность культурных практик индивидов и групп по отношению к прошлому – «манера думать, читать, писать и говорить о прошлом»³, но включает в себя все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни⁴. Это направление исторической науки, возникшее под непосредственным влиянием изучения картин мира в рамках истории ментальностей, постепенно расширило свои методологические основания⁵.

Однако анализ содержания обширного комплекса исследований, созданного за последние десятилетия, свидетельствует о том, что основные усилия ученых разных стран вплоть до сегодняшнего дня были сосредоточены именно на проблематике исторической памяти, а не на изучении комплексного феномена исторической культуры, в котором «сотворенная» предшествующими поколениями, ставшая памятью история соединяется с воспринимающим ее историческим сознанием.

* Работа выполнена по проекту «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» в рамках Программы ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

Что касается собственно категории исторического сознания, то основополагающий вклад в ее теоретическое обоснование принадлежит выдающемуся отечественному историку и методологу М. А. Баргу, в концепции которого историческое сознание любой эпохи, соединяющее актуальное настоящее с прошлым и будущим, выступает как одна из важнейших и существенных характеристик ее культуры и определяет схему организации накопленного исторического опыта. Предлагая определение понятия «историческое сознание» в монографии «Эпохи и идеи», М. А. Барг настаивал на том, что было бы неверно сводить *историческое сознание к исторической памяти*, как и ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку первое – всего лишь измерение, срез второго. Согласно предложенной им яркой метафоре, «историческое сознание – это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, – мост, ведущий человека из прошлого в грядущее»⁶. И общественное сознание является историческим не только в силу того, что его содержание с течением времени изменяется (в этом случае речь идет об историчности общественного сознания), но и потому, что определенной своей стороной оно «обращено» в прошлое, «погружено» в историю (отражает восприятие истории)⁷. Кстати, можно сопоставить это уточнение с определением исторического сознания, данным Ю. А. Левадой: «Этим понятием охватывается все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспринимает и оценивает) свое прошлое, – точнее, в которых общество *воспроизводит свое движение во времени* (курсив мой. – Л. Р.)»⁸. Однако историческое сознание не исчерпывается только объяснением прошлого: «Настоящее не может быть до конца познано без обращения к прошлому. Однако в равной мере его нельзя постичь и без обращения к будущему, т. е. без знания элементов будущего в настоящем»⁹.

В небольшой, но чрезвычайно богатой по мысли и содержанию книге «Шекспир и история», характеризующая восприятие и истолкование времени гениальным драматургом как «цепи времен», подразумевавшей непрерывную смену исторических эпох, М. А. Барг акцентировал в этом видении истории несомненный качественный сдвиг, «огромный скачок в миропонимании и самопознании человека – *восстановление модуса “настоящего”*», т. е. современности, которой христианская историческая традиция пренебрегала». В этой концепции *историческое время* мыслится «только как единство всех трех измерений, т. е. только тогда, когда каждое из них – прошедшее, настоящее и в известном смысле будущее – выступает как настоящее, в котором прошедшее и будущее смыкаются в живом сопряжении»¹⁰. В эпоху Возрождения, в связи с «переворотом» в мировоззрении, обеспечившим трансляцию «статики воспоминания о прошлом и созерцания настоящего в динамику целеполагания и предвидения буду-

щего», «было открыто историческое время и тем самым способность одной исторической эпохи *сравнить себя с предшествовавшими* (курсив мой. – Л. Р.), чтобы отличить себя от них и вместе с тем связать себя с ними». Так появляется не просто новая форма исторического сознания, но «собственно *историзированное общественное сознание*»¹¹.

По мнению О. Ф. Кудрявцева, один из популярнейших сюжетов античной литературы – миф о «золотом веке», подвергнутый переосмыслению гуманистами Возрождения, «в данном ими истолковании способствовал становлению культурно-исторического самосознания новой эпохи»¹². Заложенное в этом мифе представление о цикличности истории позволило развить идею возвращения «золотого века», наполнив ее новым содержанием (как века возрождения и расцвета искусства и науки). «Приписывая» к «золотому веку» эпоху правления во Флоренции первых Медичи, гуманистическая культура формулировала с помощью этого мифа «идею собственного исторического призвания восстановить утраченную связь времен, служа духовному обновлению человечества, и таким образом приходила к осознанию своеобразия своего времени»¹³.

«Открытие исторического времени» и «исторического прошлого как проблемы познания» в эпоху Возрождения описывалось как необходимая последовательность двух «шагов»: осознания «исторического настоящего», в рамках которого протекает жизнедеятельность данного поколения, и осознания «прошлого, т. е. условий жизнедеятельности прошлых поколений, – условий, которые исчезли»¹⁴. Анализ понятия хроноструктуры с позиции отношений следования времен «настоящее – прошедшее – будущее» позволил сделать важное наблюдение: «Прошедшее и будущее “встречаются” в настоящем, выступают его составляющими. Что же остается на долю настоящего? – Переработка, отбор и систематизация опыта прошлого с точки зрения изменившихся условий и предстоящих задач, т. е. процесс для каждого настоящего сугубо творческий, поскольку ориентиром для него служит именно будущее»¹⁵.

Таким образом, при всей противоречивости форм проявления исторического сознания (в книге «Эпохи и идеи» они рассмотрены последовательно в широком континууме между двумя крайностями – антиисторизмом мифологического типа сознания и всеобъемлющим историзмом XIX века) М. А. Барг видел в нем культурную универсалию, важнейшую духовную константу, одновременно сохраняющую и продуцирующую «связь времен» – прошлого и будущего в «средостении настоящего».

Эту «продуктивную» роль настоящего подчеркнул позднее Б. Г. Могильницкий: «Историческое сознание есть сознание интерпретирующее, конструирующее образ прошлого, сообразуясь с социокультурными запросами современности... Происходящие в обществе перемены порожда-

ют у него новые вопросы к минувшему, обуславливая складывающийся в общественном сознании образ прошлого, и чем значительнее эти перемены, тем радикальнее он изменяется»¹⁶. Проблема исторического сознания интересует автора «прежде всего своей социально-практической стороной, раскрывающей его значение в жизни общества»¹⁷. В историческом сознании запечатлено «живое прошлое», которое не только разнообразными нитями связано с настоящим, но и активно воздействует на него. С другой стороны, влияя на настоящее, события прошлого, вернее, их интерпретации и оценки, сами испытывают влияние современности». Таким образом, по Могильницкому, представления о прошлом образуют содержание категории «исторического сознания», но речь при этом идет о таких представлениях, которые органически связаны с настоящим. Т. е. речь идет о воплощенной в историческом сознании связи времен или же, напротив, о ее разрушении в результате кризиса исторического сознания.

В этой связи нельзя не упомянуть о теории кризисов исторического сознания, предложенной известным немецким историком и методологом Йорном Рюзеном. В центре внимания Й. Рюзена – *кризис*, который наступает при столкновении исторического сознания с опытом, не укладывающимся в рамки привычных исторических представлений, что ставит под угрозу сложившиеся основания и принципы идентичности. Рюзен разработал оригинальную типологию кризисов, отличающихся по глубине и тяжести («нормальный», «критический» и «катастрофический»), а также по стратегиям их преодоления.

В схеме Рюзена мне, в отличие от других его критиков, представляется наименее убедительной модель *нормального кризиса*, который может быть преодолен на основе внутреннего потенциала сложившегося исторического сознания с несущественными изменениями в способах смыслообразования, характерных для данного типа исторического сознания. *Критический* – ставит под вопрос возможность воспринимать и адекватно интерпретировать прошлый опыт (зафиксированный в исторической памяти) в соответствии с новыми потребностями и задачами, которые ставят перед собой субъекты исторического сознания. В результате преодоления подобного кризиса происходят коренные изменения, и, по сути, формируется новый тип исторического сознания. Именно подобная модель может вполне адекватно, на мой взгляд, описать кризисы исторического сознания на переломе исторических эпох. Наконец, *катастрофический кризис* – это такой кризис, который препятствует восстановлению идентичности, ставя под сомнение возможность исторического смыслообразования в целом. Такой кризис выступает как психологическая травма для субъектов, которые его пережили: пережитый опыт воспринимается как катастрофа, поскольку он не может быть с точки зрения субъектов наделен каким-либо смыслом.

Отчуждение «катастрофического» опыта путем замалчивания или фальсификации не решает проблемы: он продолжает влиять на современную реальность, а отказ его учитывать сужает возможности адекватной постановки целей и выбора средств их достижения¹⁸.

Согласно теории Рюзена, основным способом преодоления кризисов исторического сознания является исторический нарратив (повествование), посредством которого прошлый опыт, зафиксированный в памяти в виде отдельных событий, оформляется в *определенную целостность*, в рамках которой эти события приобретают смысл. Как известно, Рюзен выделяет четыре основных типа нарратива (традиционный, назидательный, критический и генетический), выражающих *последовательное развитие исторического сознания*.

Однако изменения в историческом сознании происходят не только в ситуации кризисов и катастроф. Содержание представлений о прошлом у индивидов и групп меняется в соответствии с социальным контекстом и практическими приоритетами: переупорядочивание или изменение коллективной памяти означает постоянное «изобретение прошлого», которое бы подходило для настоящего. В свое время на этот счет очень точно и емко высказался выдающийся британский историк Кристофер Хилл: «Мы сформированы нашим прошлым, но с нашей выгодной позиции в настоящем мы постоянно придаем новую форму тому прошлому, которое формирует нас»¹⁹. И Й. Рюзен как бы продолжает, одновременно развивая эту мысль: «Прошлое... проникает в нас, в глубины нашей субъективности и одновременно *через нас и из нас* – в будущее...»²⁰

Неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего в историческом сознании имеет последствия не только для образа нашего непредсказуемого *вчера*, но и – через отношение к прошлому – для самоопределения и практической деятельности *сегодня* по «обустройству» грядущего *завтра*. Однако это соотношение времен специфично и имеет культурно-историческую обусловленность. К тому же, как было отмечено Ю. М. Лотманом, «формы памяти производны от того, что считается подлежащим запоминанию, а это последнее зависит от структуры и ориентации данной цивилизации»²¹.

Принципиально важно здесь то, что темпоральные представления о связи времен предполагают наличие структурной дифференциации времени, и это в максимально развернутом виде показано в книге И. М. Савельевой и А. В. Полетаева «История и время». Среди поднятых в этом энциклопедическом труде проблем, связанных с изучением роли темпоральных представлений в историческом сознании и историческом познании, существенное место занимает процесс «темпорализации» исторического сознания, который включал в себя «формирование представлений о разделенности

прошлого, настоящего и будущего, более четкие понятия и знание единиц времени и временных интервалов истории, постепенное утверждение историзма как способа понимания общественного развития, установку на будущее и другие специфически временные параметры Нового времени»²².

Становление европейского исторического сознания Нового времени выражается в создании целостных темпоральных конструкций, в которых прошлое, настоящее и будущее, с одной стороны, рассматриваются и воспринимаются как отдельные самостоятельные модусы, а с другой стороны, оказываются неразрывно связанными движением человеческого общества от прошлого через настоящее к будущему, определяемому на основе экстраполяции существовавших или существующих тенденций. Идея прогресса, характерная для эпохи Просвещения, позволяла принимать в настоящем активное участие в создании будущего. При этом понимание линейного, необратимого и прогрессивного хода истории не только имело свои предпосылки в предшествующей картине мира, но и парадоксально сочеталось с устойчивыми космологическими элементами в общественном сознании, создавая объемную, многослойную культуру Нового времени.

Особое место в развитии исторического сознания в России занимает XIX столетие. В первой половине XIX в. начинается процесс историзации общественного сознания, формирование и распространение образов национального и европейского прошлого, становление исторической науки и исторического образования. Трудности реформирования страны, необходимость принятия новых решений с учетом исторического опыта обуславливали постоянную востребованность исторического знания. Прошлое привлекает как время, в котором находятся причины настоящего состояния, время, позволяющее это настоящее понять, объяснить и даже изменить, привести в соответствие с прошлым. Просветительская парадигма определяла не только уверенность в универсальности идеи прогресса, включая тем самым будущее России в общее будущее европейской цивилизации, но и формировала стремление приблизить это будущее для России, диктовала необходимость деятельности, способствующей появлению элементов будущего в настоящем. Формируется не пассивно-зеркалительное отношение к настоящему, а отношение деятельное, призванное изменить настоящее для изменения будущего.

Все деятели русской общественной мысли, независимо от содержательной оценки прошлого и настоящего, признавали факт их неразрывной связи, неизбежность влияния прошлого на настоящее и обязательность учета прошлого для построения будущего. Причем если для западников первостепенное значение имела связь прошлого и настоящего, а затем настоящего и будущего, то для славянофилов первостепенное значение приобретала связь прошлого и будущего при частичном игнорировании настоящего. Не-

предсказуемость будущего в России создавала парадоксальную ситуацию непредсказуемого прошлого, которое могло трансформироваться, исходя из определенного видения будущего развития страны.

Как массовое, так и в значительной мере профессиональное историческое сознание строятся, по преимуществу, на основе линейной нарративной логики, которая наиболее адекватно работает на такой чрезвычайно значимый в XIX в. и сохраняющий свою значимость в XX и отчасти в начале XXI в. тип идентичности, как национально-государственная идентичность. Вместе с тем, одним из результатов программы историзма стало резкое углубление разрыва между «историей историков» и обыденными (массовыми) представлениями о прошлом: в то время как социальная память продолжает создавать интерпретации, удовлетворяющие новым потребностям, в исторической науке господствует подход, состоящий в том, что прошлое ценно само по себе и ученому следует, насколько возможно, быть выше соображений политической целесообразности. Между тем перед историком памяти стоит задача изучить, как и почему создаются традиции, а также объяснить, почему определенные традиции соответствовали историческому сознанию определенных групп, с учетом общекультурного и интеллектуального контекста конкретной эпохи, всего комплекса факторов, воздействовавших на интерпретацию и трансформацию образов «ключевых» исторических событий.

Франсуа Артог предложил в качестве полезного инструмента анализа исторического сознания типологию «режимов историчности» (пассеизм, презентизм, футуризм), различных форм восприятия времени и отношения к нему, понимаемых как способы сочленения категорий прошлого, настоящего и будущего, различающиеся в зависимости от того, на какой из трех модальностей времени ставится акцент в разных обществах и культурах, на разных социальных уровнях²³. Эта векторность исторического сознания непосредственно связана с существованием разных типов общественного идеала: *ретроспективного* (идеал в утраченном прошлом, «золотом веке») и *перспективного* (идеал в ожидаемом и желанном будущем). Так, например, по словам Патрика Хаттона, в отличие от исторических представлений предшествовавших эпох, историческое сознание, отражающее ценности современной культуры, «демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым и возлагает большие надежды на новшества будущего»²⁴.

В переработку, отбор и систематизацию опыта прошлого включены не только два взаимосвязанных, комплементарных и неразделимых процесса (две стороны) памяти – «вспоминание» и «забывание», но и ключевой процесс непосредственного переживания реальной ситуации настоящего. В представлениях о будущем (в «превращенном» виде) находят отражение проблемы, которые волновали изучаемые общества в их настоя-

щем. «Общества мобилизуют свою память и реконструируют собственное прошлое, чтобы обеспечить свое функционирование в настоящем и разрешить актуальные конфликты. Точно так же, когда они в воображении проецируют себя в будущее – голосом своих пророков, мыслителей-утопистов или авторов научной фантастики – они говорят лишь о своем настоящем, о своих устремлениях, надеждах, страхах и противоречиях современности»²⁵. Вспомним слова Шекспира:

Мы видим жизни постепенный ход,
И это сходство будущего с прошлым
С успехом позволяет говорить
О вероятье будущих событий²⁶.

«Историческое сознание» в строгом (нововременном) смысле этого слова разрушилось в период постмодерна. Кризис доверия к историческому метарассказу – это фактически кризис социальной памяти исторического типа, и одновременно кризис линейной темпоральности. В целом для современной историографии характерно разделение пространств настоящего и будущего. Это установление разрыва между настоящим и будущим часто описывается как «презентизм», исчезновение измерения будущего как такового, которое, будучи отделено от настоящего, перестает быть реальным.

Это проявляется, в частности, в том, что историки отказались от идеи предсказания будущего и практически полностью исключили тему будущего из круга своих профессиональных интересов, согласившись с тем, что история никогда не повторяется, и даже если знание о том, как были устроены общества прошлого, помогает нам понять наши собственные общества, оно все же не дает нам никакого точного знания о том, что грядет. Между тем, тема будущего оказывается чрезвычайно востребованной в пространстве истории коллективных темпоральных представлений и «мемориальных исследований». Если желание заранее знать будущее присуще всем человеческим обществам, встречается везде и во все времена, то средства, которые используются, чтобы удовлетворить это желание, и создаваемые воображением картины будущего в коллективном сознании отличаются друг от друга в различных культурах, в зависимости от религиозных верований и форм рациональности, которые для них характерны. Поскольку социальная память «вырастает» из разделяемых или оспариваемых смыслов и ценностей прошлого, которые «вплетаются» в понимание настоящего и в проекции будущего, постольку прошлое оказывается не менее проективным, чем будущее.

Значение темпорального компонента культурных представлений в общей картине мира невозможно переоценить. При этом сегодня ставится задача не просто констатировать особенности концепций времени в исторических традициях разных культур и эпох (представления о членении,

измерении, движении, ценности времени, о соотношении прошлого, настоящего и будущего, а также образы общезначимого прошлого – эпох, событий, героев и пр.), но и направить усилия на поиск всеобщего, характерного для всего человечества.

В связи с этим встает задача разработать новый подход к сравнительному изучению исторического сознания и концепций прошлого. В условиях, когда так много внимания концентрируется не на сходстве, а на различиях, не на универсальности, а на своеобразии, все более значимой становится роль антропологических универсалий, таких как представления о времени, заключенные в понятиях роста и упадка, рождения и смерти, изменения и преемственности, без которых не обходится ни одно повествование. Аналогичным образом могут быть выделены универсальные компоненты коллективных версий прошлого, такие, например, как характерные структурные элементы этноцентристской исторической мифологии²⁷, призванной сплотить своих приверженцев и определенным образом направлять их действия (мифы о происхождении, о «золотом веке», «славных предках», «заключением враге» и многие другие).

Кратко остановлюсь на исследовательских проектах по истории исторического сознания и исторической культуры, выполненных в Центре интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН с 2000 г. Собранный в коллективном труде «История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени» разнообразный исторический материал, охватывающий более двух тысячелетий, свидетельствует о самой тесной связи восприятия исторических событий с явлениями социальными. Исследования показали, как с расширением культурных контактов и глубокими переменами в условиях жизни общества менялись приоритеты исторической памяти, интерпретации и оценки ключевых явлений и событий, пантеон героев и т. д. Действовали разные каналы трансляции социальной памяти о прошлом: устные воспоминания, легенды и предания, различного рода записи и документы, монументальные памятники, празднества, сценические представления и т. п. Такую роль играла, например, концепция «вечного Рима» как в языческих, так и в христианских сочинениях переходной эпохи от поздней Античности к Средневековью, обеспечивших преемственность универсалистской идеи, средневековые модификации которой нашли отражение в империи Карла Великого, Священной Римской империи германской нации, в теократических притязаниях папства, а также в концепциях «второго» и «третьего» Рима. Переход к Новому времени дал мощный толчок развитию исторического сознания и формированию новой исторической культуры.

Недавно завершенный масштабный компаративный проект «Образы времени и исторические представления в цивилизационном контексте:

Россия – Восток – Запад»²⁸ имел целью разработать ключевые аспекты поставленной проблемы на конкретном материале разных регионов Западной Европы, России и стран Востока, исследовать как наличествующие культурные универсалии (при всем плюрализме исторических культур и специфике траекторий их развития), так и цивилизационные особенности, а также их преломление на различных этапах развития социумов. Для получения в результате конкретных исследований сколько-нибудь сопоставимых результатов был выделен ряд ключевых категорий и параметров, включая такие фундаментальные аспекты исторического сознания, как его укорененность в историческом опыте, нормативно-ценностный характер, признание – в разной степени и в разных терминах – различия между прошлым и настоящим и понимание истории как процесса – связи между событиями во времени. Был изучен широкий спектр культурных концепций времени и выявлены факторы формирования и содержание индивидуальных и коллективных представлений о прошлом, совокупность идей и образов, отражающих специфику восприятия, осмысления и оценки прошлого, связи прошлого, настоящего и будущего.

Принципиально новый по своему исследовательскому ракурсу проект «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» (2009–2011 гг.) направлен на комплексное изучение способов формирования, фиксации, сохранения и трансформации опыта социальных конфликтов и катастроф в исторических представлениях «первого» и «второго» поколений, их последующей передачи и превращения в культурно-историческую память далеких потомков, а также механизмов функционирования феномена исторической памяти как средства ориентации индивидов и групп в окружающем их мире настоящего и фактора социального проектирования (выстраивания моделей «желанного будущего»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библиография такого рода исследований, начиная с новаторского проекта Пьера Нора (см.: *Les Lieux de Mémoire*. Ed. P. Nora. Т. 1–7. Р., 1984–1992), насчитывает уже сотни наименований.

² Лидирующие позиции в начале этого процесса заняли представители школы известного французского историка Б. Гене, которым была впервые сформулирована проблема и намечены оригинальные пути исследования феномена средневековой исторической культуры: *Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада*. [1980]. М., 2002.

³ *Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730*. Oxford, 2003. P. 10.

⁴ *Rüsen J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // Historische Faszination: Geschichtskultur heute / K. Fußmann, H. T. Grütter, J. Rüsen. Köln, 1994. S. 5–7.*

- ⁵ Подробнее см.: История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006.
- ⁶ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 24.
- ⁷ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма... С. 24.
- ⁸ См.: Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 191.
- ⁹ Барг М. А. Эпохи и идеи... С. 24.
- ¹⁰ Барг М. А. Шекспир и история. М., 1976. С. 51.
- ¹¹ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 83.
- ¹² Кудрявцев О. Ф. Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения // Личность – Идея – Текст в культуре Средневековья и Возрождения. Иваново, 2001. С. 84–92.
- ¹³ Кудрявцев О. Ф. Миф о «золотом веке» в культуре Возрождения... С. 92.
- ¹⁴ Там же. С. 92.
- ¹⁵ Барг М. А. Категории и методы исторической науки... С. 90.
- ¹⁶ Могиляницкий Б. Г. Историческая наука и историческое сознание на рубеже веков // Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 1999. Т. 1. С. 7.
- ¹⁷ Могиляницкий Б. Г. Историческое сознание и историческая наука // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Часть I. Саратов, 1995. С. 10–18.
- ¹⁸ Rüsen J. Studies in Metahistory. Pretoria, 1993. См. также: Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8–26.
- ¹⁹ Hill C. History and the Present. L., 1989. P. 29.
- ²⁰ Рюзен Й. Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 10. М., 2003. С. 61.
- ²¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 344–345.
- ²² Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 605. Сложные отношения времен выражены авторами афористически: «Еще несуществующее вторгается в пределы уже несуществующего и видоизменяет его». (Там же. С. 308).
- ²³ Hartog F. Regimes d'historicité. Presentisme et expériences du temps. P., 2003; Артог Ф. Время и история // Анналы на рубеже веков: антология. М., 2002. С. 147–168. См. также: Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо // Новое литературное обозрение. 2007. № 83.
- ²⁴ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 24. Интересные материалы, связанные с обсуждением вопроса об уникальности новоевропейских культурных представлений, обеспечивших позитивную оценку новизны и ориентацию на будущее, см. в книге с красноречивым названием: Судьба европейского проекта времени. Сборник статей / Отв. ред. О. К. Румянцев. М., 2009.
- ²⁵ Шмитт Ж.-К. Овладение будущим // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 132.
- ²⁶ Шекспир У. Король Генрих IV. Акт 2. Сцена 1. (Пер. Б. Пастернака).

²⁷ О специфике этно-исторических мифов и роли представлений о «давнем прошлом» в структуре идентичности см.: Шнирельман В. А. Национальные символы, этно-исторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М., 1999. С. 118–147.

²⁸ Результаты исследования изложены в коллективном труде: Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010.

О. Н. Яхно

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В КУЛЬТУРЕ ПЕРЕХОДНЫХ СОСТОЯНИЙ

Культура переходных состояний отражает переживаемые обществом радикальные трансформации. Как правило, они обусловлены не столько внешними заимствованиями или подспудным проникновением (диффузией) «чужих» культурных образцов, сколько логикой развития самого общества. Хотя, конечно, важную роль играет сопоставление (порой неkritичное) своих и чужих жизненных практик. Это создает благоприятные условия для непосредственного усвоения (восприятия) ценностей, эстетических вкусов, образцов поведения и прочих элементов иной культуры. В случае повышения открытости общества этот процесс принимает массовый характер. Однако постепенно происходит нарастание сопротивления многочисленным новациям как результат их столкновения с традициями (что, впрочем, не исключает их симбиоз, конвергенцию). Все эти процессы мы имеем возможность воочию наблюдать в современном российском обществе. Важно, чтобы эти естественные противоречия не переросли в конфликт на общественном (культурный раскол) и личном (утрата идентичности) уровнях.

Так уже было в начале XX века и обернулось грандиозной социальной революцией, являвшейся по существу консервативным ответом на слишком быстрые перемены и культурный раскол. В первую очередь люди сталкиваются с любыми переменами на повседневном уровне, меняющими привычное течение жизни. Именно здесь в наибольшей мере происходит столкновение традиций и новаций. В указанный период явно прослеживается влияние идей рациональности, социального равенства и справедливости, культа вещного богатства. Но также очевидно, что реликты традиционного сознания и поведения сохраняются (пусть и в модифицированном виде) во всех сферах общественной жизни. Этот период характеризуется изменениями в социальной структуре общества, резким ростом вертикальной и горизонтальной мобильности. Порождаемое из-за этого смешение стилей поведения, присущих различным социальным или профессиональным кругам довольно часто становилось поводом для критики. Сплетение и взаимопроникновение манер, их определенное упрощение было знаком време-